

Оставшиеся до назначенного срока дни Гу Сюньчжи провел в поместье, не разлучаясь с Жэнь Ши. Покои, отведенные мастерам, оказались непомерно просторными. Между комнатами бесшумно скользили обученные, статные служанки, поднося курильницы, грелки и изысканные плоды — стоило лишь высказать пожелание, и оно исполнялось мгновенно.

За долгие годы службы Гу Сюньчжи не раз видел подобные картины, но они никогда не имели к нему отношения. Он привык к своему тесному дворику и нехитрому быту, к небрежной заботе Сяо Цуй или Сяо Юй. Ему всего хватало, но излишеств он не знал. И теперь, внезапно окунувшись в эту праздную роскошь, старик чувствовал себя не в своей тарелке. Несколько раз он порывался вернуться к себе, но Жэнь Ши неизменно его удерживал:

— Что такое? Мы столько лет не виделись, неужели тебе в тягость провести время с шисюном?

Против такого довода возразить было нечего. Тогда Гу Сюньчжи, видя, что луна скрылась за облаками и нужды в ночных практиках под открытым небом больше нет, предложил спать на отдельной кушетке. Однако Жэнь Ши не позволил и этого. На сей раз он не искал оправданий, а просто пристально смотрел на него, пока Сюньчжи не сдался.

Впрочем, поскольку Гу Сюньчжи больше не нуждался в тепле чужого тела, спали они под разными одеялами. Жэнь Ши сам распорядился принести второе, пояснив, что его кожа холоднее, чем у смертных, и Сюньчжи может простудиться.

«А ведь спать рядом с шисюном совсем не плохо», — втайне думал Гу Сюньчжи. — «От него так дивно пахнет».

Вот только для сердца такие ночи были сущей пыткой. Стоило Сюньчжи лечь в постель, как пульс учащался, и сердце долго не давало сомкнуть глаз. А когда сон наконец приходил, он приносил с собой тревожные, волнующие видения. К счастью, старое немощное тело не подвело — за эти дни не случилось ничего такого, что могло бы обернуться постыдной неловкостью.

В отличие от своего спутника, Жэнь Ши, казалось, вовсе не знал терзаний.

Он никогда прежде не имел слуг, но приспособивался к любым условиям с пугающей легкостью. Когда служанка, опустившись на колени перед его ложем, подносила ягоду винограда к самым его губам, он принимал угощение прямо из ее рук. Кончики пальцев девушки, будто невзначай, касались его кожи, отчего она мгновенно заливалась пунцовой краской, но Жэнь Ши даже не моргал. В поместье царили строгие порядки, гости здесь бывали редко, и молодые девицы, завидев статного красавца, невольно начинали кокетничать. Однако он оставался безучастен — кажется, мастер Жэнь даже не замечал, какого пола те, кто ему прислуживает.

Гу Сюньчжи наблюдал за этим с легким уколом ревности. Он знал, что это сущие пустяки — когда-то на Горе Лазурного неба лесные оборотни были куда краше этих девиц, но шисюн без жалости вышвыривал их вон, хватая за хвосты. Сюньчжи понимал: ни одна красавица в мире не

заставит сердце шисюна дрогнуть. И всё же он невольно представлял себя на месте той служанки: вот он стоит на коленях, протягивает виноград и улыбается шисюну... являя миру лицо в глубоких морщинах.

«Нет, увольте».

Удалив из памяти непрошенные образы, Гу Сюньчжи поежился.

Пусть шисюн твердил, что внешность для него не имеет значения, сам Сюньчжи не мог об этом забыть.

Он твердо решил не смотреть на шисюна и сосредоточился на книге со старинными преданиями. Но мысли путались. В историях лисы-оборотни, принимая мужской или женский облик, всегда обладали великой силой и божественной красотой. Читая описания, Сюньчжи ловил себя на мысли, что в каждом таком существе видит черты Жэнь Ши.

«А вдруг шисюн и впрямь лис?»

Зная, что это лишь пустая фантазия, он всё же не удержался и бросил на него быстрый взгляд.

Жэнь Ши полулежал на тахте, и в его позе было столько благородства и непринужденного изящества, что ни один заурядный дух не выдержал бы сравнения.

Мирные дни пролетели незаметно. Жэнь Ши ни разу не заговорил о чувствах младшего брата, и Сюньчжи старательно делал вид, будто ничего не произошло. Между ними царило полное согласие. В эти дни из дворца пришел указ: маленькому наследнику дозволялось принять титул князя Цзиня. Вскоре по поместью поползли слухи, будто императрица лично выступила свахой и новый князь берет в жены дочь наставника Яня. Говорили об этом так уверенно, что трудно было отличить правду от вымысла, но братья не придавали сплетням значения.

Наступило седьмое число. Рано утром молодой князь сам пришел в их дворик, чтобы просить Жэнь Ши освободить Синего дракона. Дело было тайным, поэтому князь не взял с собой стражу — его сопровождал лишь верный Юнь Сю. Гу Сюньчжи заметил, как осунулся юноша, а в глазах застыла тревога. Едва ли так выглядел человек, готовящийся к пышной свадьбе, но судьбы особ императорской крови редко принадлежат им самим.

Молодой князь явно сгорал от нетерпения. Коротко поприветствовав гостей, он повел их к месту заточения дракона. Когда они достигли нужного крыла, князь хотел было войти внутрь, но Жэнь Ши преградил ему путь.

— Это дело небезопасно и не предназначено для глаз смертных. Ваше Высочество, вы здесь лицо почтенное, лучше подождите снаружи.

Князь побледнел, вздрогнул, но не стал спорить и отступил на пару шагов. Жэнь Ши мельком взглянул на слугу:

— Присмотри за своим господином.

Юнь Сю поспешно подхватил князя под руку, уводя еще дальше от дверей. Юноша едва держался на ногах, он стоял у ворот, не сводя глаз с порога.

Гу Сюньчжи тоже не находил себе места. Он сделал шаг вперед.

— Шисюн...

Жэнь Ши, уже переступивший порог, обернулся и бросил через плечо:

— Ты тоже останься.

Сюньчжи послушно отступил. Жэнь Ши вошел в комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

Оставалось только ждать.

Гу Сюньчжи взглянул на молодого князя. Тот совсем побелел, а его вид выдавал бессонницу или сдержанные слезы.

«Казалось бы, всего лишь снять замок...» — думал Сюньчжи. Но он понимал: князь осознает, что, какие бы обещания ни давал Синий дракон прежде, как только оковы падут, всё может измениться. Дракон улетит и не вернется. Это мгновение могло стать их последней встречей.

И всё же юноша сам решил даровать ему свободу. В этом он несколько не походил на своего отца.

Пока Сюньчжи разглядывал князя, Юнь Сю преданно смотрел на хозяина, мучаясь от беспокойства. Он несколько раз открывал рот, но решался заговорить лишь спустя долгое время.

— Ваше Высочество, здесь студено, может быть, нам стоит...

Договорить он не осмелился — князь вскинул руку, обрывая его на полуслове.

— Иди в мой двор и приготовь западный флигель. Там будут жить.

— Но...

Князь посмотрел на него в упор:

— Живо.

Юнь Сю, не смея перечить, побрел прочь, то и дело оглядываясь. Молодой князь поплотнее запахнул меховое оплечье и снова замер, глядя на закрытую дверь.

Прошел почти час. Гу Сюньчжи чувствовал, как мороз пробирается под ватную робу, когда дверь наконец отворилась. Жэнь Ши вышел на порог. Он был бесстрастен.

— Замки сняты. Остальное меня не касается.

Князь бросился в комнату. На ковре, уронив голову на грудь, в человеческом обличье сидел Синий дракон. Цепи были разрублены, но их обрывки всё еще вросли в плоть — их предстояло извлечь. Видимо, когда оковы падали, старые раны вскрылись: по бледной коже струилась алая кровь. Зрелище было пугающим.

Гу Сюньчжи замер в дверях. Жэнь Ши обернулся:

— Чего стоишь? Идем.

— Погоди минутку, — покачал головой Сюньчжи.

Он быстро отыскал служанку, велел принести таз с теплой водой и острый нож. Вернувшись, он передал всё князю. Юноша поднял на него взгляд и горько, надломленно улыбнулся.

— Господин Гу, благодарю вас. Вы и так провели здесь слишком много времени. Идите, отдыхайте.

Сюньчжи с тревогой посмотрел на него, но всё же кивнул и вышел вслед за Жэнь Ши.

Он заранее предупредил князя, что после завершения дела покинет поместье вместе с шисюном. Тот дал свое согласие. Сейчас юноше явно было не до церемоний, и это даже к лучшему — долгие прощания ни к чему.

«Мирские узы разорваны», — подумал Гу Сюньчжи.

Они не вернулись в роскошный двор, отведенный Жэнь Ши, а направились напрямик в скромное жилище Гу Сюньчжи. Еще несколько дней назад он собрал свои пожитки. Вещей

оказалось немного: пара сменных роб, из которых лишь одна, шелковая, была почти новой — ее он берег для торжественных случаев. Еще пара сапог, купленных в прошлом году, — они занимали много места, но бросить их не поднялась рука. К ним добавились две недочитанные книги и скромные сбережения, накопленные за годы службы. Громоздкую мебель и утварь он оставил на месте.

Собираясь, он ничего не говорил Сяо Юй, но девочка и сама всё поняла, глядя на его сборы.

За эти годы они сроднились, как дед с внучкой. Глядя на нее, Сюньчжи не знал, как подобрать слова для прощания. Он достал из узла два тяжелых серебряных слитка по десять лянов каждый и вместе с медным зеркалом вложил ей в руки.

— Почти всё, что есть в этом доме, пожаловано покойным князем, и я не вправе раздавать это добро. Но зеркало я купил сам — пусть останется тебе на память. А серебро спрячь понадежнее и не трать по мелочам. Сбереги до свадьбы — считай это моим подарком к твоему приданому.

Сяо Юй знала, что он уйдет, но не думала, что так скоро. Она пыталась вернуть серебро, и глаза ее наполнились слезами.

— Господин, когда же вы вернетесь? Не нужно мне денег... Когда я и впрямь соберусь под венец, тогда и одарите меня, не поздно будет.

Гу Сюньчжи, и сам человек впечатлительный, едва сдерживал слезы.

— Я... боюсь, что уже не вернусь сюда никогда, — едва слышно прошептал он.

<http://bllate.org/book/17555/1713722>